

**Конвенция о запрещении или ограничении
применения конкретных видов обычного
оружия, которые могут считаться наносящими
чрезмерные повреждения или имеющими
неизбирательное действие**

15 March 2019

Russian and English only

**Группа правительственных экспертов по новым
технологиям в сфере создания смертоносных
автономных систем вооружений**

Женева, 25–29 марта 2019 года

Пункт 5 предварительной повестки дня

**Потенциальные возможности и ограничения
военного применения смертоносных автономных
систем вооружений***

Представлено Российской Федерацией

1. На сессии действующей в рамках Конвенции о «негуманном» оружии (КНО) Группы правительственных экспертов (ГПЭ) по смертоносным автономным системам вооружений (САС) в августе 2018 г. был сделан ряд презентаций, в которых продемонстрированы некоторые преимущества систем вооружений с высокой степенью автоматизации в контексте их военного применения, в т.ч. выполнения норм международного гуманитарного права (МГП). В частности, на конкретных примерах убедительно показано, что такие средства играют важную роль при решении задач обороны, борьбы с террористической угрозой, минной опасностью и т.д. Российская Федерация хотела бы внести вклад в рассмотрение указанного вопроса посредством данного рабочего документа.

2. Российская Федерация исходит из того, что потенциальные САС могут демонстрировать большую эффективность, чем человек-оператор при решении поставленных задач, сокращать вероятность ошибок. В частности, такие системы способны существенно снизить негативные последствия применения оружия в контексте МГП, связанные с ошибками оператора, его психическим и физиологическим состоянием, нравственными, религиозными, моральными установками. Применение высокоавтоматизированных технологий может обеспечить повышение точности наведения средств поражения, направленных против военных объектов, способствовать сокращению вероятности непреднамеренного нанесения ударов по гражданскому населению и гражданским объектам.

3. Потенциальными направлениями применения САС являются:

- а) уничтожение военных объектов;
- б) защита и охрана стратегически важных объектов (АЭС, плотины, мосты и т.д.);
- в) ликвидация террористических группировок;

* Unofficial English translation is provided after the Russian text.



г) защита мирного населения.

4. Действующие системы военного назначения высокой степени автоматизации не следует выделять в «особую» категорию, нуждающуюся в немедленных ограничениях и запретах. Именно такой уровень автоматизации позволяет подобным системам действовать в динамичной боевой обстановке и в различных средах, обеспечивая при этом надлежащую степень избирательности и точности и, как следствие, их соответствие принципам и нормам МГП.

5. Российская Федерация полагает, что предмет обсуждения в ГПЭ по САС должен ограничиваться полностью автономными системами, под которыми мы предлагаем понимать «безэкипажные технические средства, не являющиеся боеприпасами и предназначенные для выполнения боевых и обеспечивающих задач без какого-либо участия оператора». В этой связи выступаем против обсуждения тематики беспилотных летательных аппаратов в контексте САС в рамках КНО, поскольку они представляют собой частный случай высокоавтоматизированных систем и не относятся к САС.

6. Существующее международное право, включая МГП, содержит ряд важных ограничений, которые полностью распространяются на системы вооружений с высокой степенью автоматизации и не нуждаются в модернизации или адаптации к специфике данных средств. В частности, под такими ограничениями понимается следующее:

а) недопустимо неизбирательное, непропорциональное применение САС, их использование против гражданского населения, а также без принятия мер предосторожности для его защиты;

б) любое военное применение САС должно осуществляться в соответствии с принципом соразмерности между военной необходимостью и причинённым ущербом;

в) принятие решения о целесообразности, формах и способах применения САС осуществляется человеком, планирующим проведение военной операции и формирующим сценарии применения (миссию) данных систем.

7. В качестве важного ограничителя рассматриваем обеспечение человеческого контроля за функционированием таких систем. Для этого в контуре управления САС должна быть предусмотрена возможность вмешательства человека-оператора или системы управления верхнего уровня для изменения режима функционирования таких систем, включая частичную или полную деактивацию. При этом исходим из того, что конкретные формы и методы человеческого контроля должны оставаться на усмотрение государств.

8. Дополнительным инструментом регулирования САС в контексте их последующего боевого применения является Статья 36 Дополнительного протокола I (ДП-I) 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Россия придерживается соответствующих обязательств и не считает необходимой выработку универсального обязательного механизма проведения «правовых обзоров», тем более специально предназначенного для САС. Большее значение придаём универсализации ДП-I и снятию государствами оговорок, сделанных при ратификации этого инструмента МГП.

9. В Российской Федерации создана общегосударственная система, позволяющая на основе действующей нормативно-правовой базы осуществлять контроль образцов на соответствие заданным требованиям. Такая проверка проводится на всех этапах опытно-конструкторских работ по созданию экспериментальных образцов вооружения и военной техники, а также в период их эксплуатации. При оценке продукции военного назначения подтверждаются не только заявленные функциональные и эксплуатационные характеристики, степень воздействия на окружающую среду, но и её соответствие требованиям Статьи 36 ДП-I.

10. Российская Федерация убеждена, что проблематика САС требует крайне осторожного отношения. В дискуссиях по этой теме в ГПЭ не следует игнорировать потенциальные преимущества таких систем в контексте решения задач национальной

безопасности государств. Необходимо разобраться в модальностях применения существующих международно-правовых ограничений и норм МГП к данным средствам. Таким образом, снятие озабоченностей в отношении САС лежит в плоскости добросовестного выполнения уже действующих международно-правовых норм.

Potential opportunities and limitations of military uses of lethal autonomous weapons systems

Submitted by the Russian Federation

1. At the meeting of the Group of Governmental Experts (GGE) on lethal autonomous weapons systems (LAWS) under the Convention on Certain Conventional Weapons (CCW) held in August, 2018, a number of presentations were made that showed certain advantages of highly automated weapons systems in the context of military uses, including the compliance with the rules of international humanitarian law (IHL). In particular, specific examples vividly demonstrated that such means play an important role in addressing the tasks of defense, combatting terrorist threats, mitigating mine danger and so on. The Russian Federation would like to contribute to dealing with the above issue by this working paper.
2. The Russian Federation presumes that potential LAWS can be more efficient than a human operator in addressing the tasks by minimizing the error rate. In particular, such systems are capable of considerably reducing the negative consequences of the use of weapons related to operator's errors, mental and physiological state, as well as ethical, religious or moral stance in the IHL context. The use of highly automated technology can ensure the increased accuracy of weapon guidance on military targets, while contributing to lower rate of unintentional strikes against civilians and civilian targets.
3. Possible uses of LAWS include:
 - (a) destruction of military facilities;
 - (b) protection and safekeeping of critical infrastructure (atomic power plants, dams, bridges and so on);
 - (c) elimination of terrorist groups;
 - (d) protection of civilians.
4. The existing highly automated military systems should not be separated into a "special" category requiring immediate restrictions and bans. It is this degree of automation that enables such systems to operate in dynamic combat situations and in various environments while ensuring an adequate level of discrimination and accuracy and, therefore, their compliance with IHL principles and norms.
5. The Russian Federation supposes that the discussion within the GGE on LAWS should be limited to fully autonomous systems, for which we propose the following definition: "unmanned technical means other than ordnance that are intended for carrying out combat and support missions without any involvement of the operator". In this regard, we are opposed to discussing the issue of unmanned aerial vehicles in the context of LAWS within the CCW framework, since they are a particular case of highly automated systems and are not classified as LAWS.
6. Existing international law, including IHL, contains a number of important restrictions that fully apply to highly automated weapons systems and do not need to be modernized or adapted to the specific features of such means. In particular, these restrictions are as follows:
 - (a) indiscriminate and disproportionate use of LAWS, as well as their use against civilians or without precautions taken to protect civilians is unacceptable;
 - (b) any military use of LAWS should be conducted in compliance with the principle of proportionality between the military necessity and the damage caused;
 - (c) the decision on whether and how to use LAWS is made by a person planning the military operation and developing scenarios of the use (mission) of these systems.
7. We consider human control over the operation of such systems an important limiting factor. For these purposes, the control system of LAWS should provide for intervention by a

human operator or the upper-level control system to change the mode of operation of such systems, including partial or complete deactivation. At the same time, we believe that specific forms and methods of human control should remain at the discretion of States.

8. Article 36 of 1977 Additional Protocol I (AP I) to the Geneva Conventions of 1949 is a supplementary tool to regulate LAWS in the context of future military uses. Russia adheres to its relevant obligations and deems it unnecessary to elaborate a universal mandatory mechanism for "legal reviews", especially just for LAWS. We believe it is more important to universalize AP I and for the States to withdraw their reservations made after ratifying this IHL instrument.

9. The Russian Federation has put in place a state-wide system to check prototypes for compliance with the specified requirements on the basis of the existing legal framework. Such checks are carried out at all stages of development of prototype weapons and military equipment, as well as during their operation. The assessment of military products confirms not only their declared functional capabilities and performance characteristics and their environmental impact, but also their compliance with the requirements set out in Article 36 of AP I.

10. The Russian Federation is convinced that the issue of LAWS is extremely sensitive. While discussing it, the GGE should not ignore potential benefits of such systems in the context of ensuring States' national security. It is necessary to examine the modalities for applying the existing international legal restrictions and IHL rules to these systems. Thus, the concerns regarding LAWS can be addressed through faithful implementation of the existing international legal norms.
